

— Что случилось? — маркиз Уань злобно воззрился на старшего сына и недовольно фыркнул: — Отец, значит, больше не может зайти во двор к сыну?

— Если бы вы, отец, не тянули шею и не вглядывались в улицу, я бы, может, и поверил, — с досадой почесал голову Сюй Сянчжи. — Яньцин говорит, что ещё не нагулялся. Вернётся в усадьбу попозже.

— Хм! — маркиз Уань демонстративно отвернулся, делая вид, что ему всё безразлично. — Я и не просил тебя болтать всякую чепуху! Вернётся этот оболтус или нет — мне плевать!

Сюй Сянчжи про себя только вздохнул. Увидев, как отец сверлит его взглядом, он поспешно заулыбался:

— Да-да-да, это всё непослушный Сюй Яньцин. Пусть бегает на воле, сколько влезет. Как только наткнётся на стену и заплачет от боли — сразу поймёт, где по-настоящему тепло и хорошо.

— Послушайте, послушайте, так, по-твоему, должен говорить старший брат?! — маркиз Уань, ещё минуту назад готовый с праведным негодованием вышвырнуть сына вон, теперь уже возмущался по другому поводу. Он едва ли пальцем не тыкал, отчитывая Сюй Сянчжи за полное отсутствие братской любви: — Живо передай этому оболтусу, чтоб возвращался! А не то я тебе сам кости размять устрою!

С этими словами он фыркнул напоследок и ушёл прочь.

Сюй Сянчжи только плечами пожал. Ну да, всё как всегда — он в доме самый бесправный.

И как только он об этом подумал, во двор неспешно вошла служанка. Поклонившись Сюй Сянчжи, сказала:

— Молодой господин, госпожа просит вас к себе.

Сюй Сянчжи тут же скривился. Отлично. Только что выслушал допрос от отца, теперь ещё и матушкина «забота» ждёт. Этот Сюй Яньцин — настоящая головная боль!

Жена маркиза Уаня происходила из знатного рода. В юности она была одной из самых блистательных дам столицы. То, что она полюбила грубоватого маркиза Уаня, который едва умел читать и только и знал, что махать копьём, в глазах столичных аристократок казалось суцим безумием — будто прекрасный цветок упал в навоз.

Но годы шли. Те самые знатные дамы давно уже вышли замуж, родили детей... Посмотрите на их мужей: у кого не найдётся парочки наложниц или любовниц? Один лишь маркиз Уань за все эти годы оставался верен госпоже Су.

Таким образом, супруга маркиза Уаня вновь стала предметом зависти и недовольного шепота среди столичных дам. Однако единственным поводом для критики в адрес усадьбы маркиза оставался Сюй Яньцин — тот самый повеса.

Впрочем, повес в столице хватало. На любой улице парочку найдёшь. Сюй Яньцин при всём желании не был ни самым безбашенным, ни самым вызывающим, так что по сути — и придраться-то было не к чему.

В ранние часы периода сы¹ супруга маркиза Уаня стояла на коленях за письменным столиком,

читая. У неё были изысканные шпильки в волосах, яркая юбка, а лицо — нежное и красивое. Хотя оба её сына уже достигли брачного возраста, на её лице не было и следа морщин — напротив, с годами её красота лишь расцвела, обрела зрелую, глубокую привлекательность.

Увидев вошедшего старшего сына, она подняла глаза и с мягкой улыбкой сказала:

— Сянчжи, ты пришёл.

Сюй Сянчжи подошёл ближе и опустился на колени напротив:

— Сын приветствует матушку.

— Хорошо-хорошо, у нас в семье с этими церемониями не строго, — тихо рассмеялась госпожа Су. — Сегодня приказчик из «Цзинсуйской вышивки» привозил ткани для весенней одежды. Посмотри, может, какие узоры тебе понравятся.

Шитьё весенней одежды — тема, которая вовсе не волновала большого и крепкого Сюй Сянчжи. Истинный смысл визита, конечно, был совсем не в тканях.

И правда — завидев на его лице обречённое выражение, госпожа Су не удержалась и слегка постучала по его лбу:

— Раз уж тебе всё это так неинтересно, чего ж не торопишься жену домой привести? Тогда и заботы эти все на неё перейдут. А как там А Цин — всё ещё вне дома?

Когда разговор, наконец, подошёл к сути, Сюй Сянчжи тут же заулыбался, ловко обходя тему женитьбы:

— А Цин — в полном порядке. В последнее время он на удивление послушен. С весенней одеждой можно и повременить — может, он как раз к тому времени вернётся.

Сказав пару слов, Сюй Сянчжи быстро нашёл предлог и ускользнул, оставив госпожу Су в лёгком замешательстве. Что ни сын — то головная боль. Дети, в самом деле, как долги из прошлой жизни.

—

Сюй Яньцин в это время, конечно же, не испытывал ни капли сочувствия к страданиям старшего брата. Его изящное лицо покраснелось, он снова проснулся после жаркого сна и теперь бессильно развалился в шезлонге, всерьёз задумываясь о своей жизни.

Он ведь был первым учеником провинции, с детства послушным и прилежным. Не пил, не курил, даже романчиков с сомнительным содержанием не читал, а от пикантных видео, которые пересылали однокурсники, и вовсе воротил нос.

Но теперь — после переселения в этот мир — он не только потерял девственность, но и каждую ночь видел нескончаемые похотливые сны. Что вообще происходит?! Особенно лицо того даосского наставника — сдержанное, благородное — становилось всё отчётливее.

Сюй Яньцин начинал подозревать, что влюбился с первого взгляда!

Стоило подумать об этом, как он поёжился. Испытывать такие нечестивые мысли к совершенно незнакомому человеку... Да, он явно катится под откос.

В этот момент подошёл Му Юй:

— Молодой господин, слуги из дворца Юньшуй уже запечатали ту дверь. Когда собираемся переезжать?

Сюй Яньцин тяжело вздохнул, глядя в безоблачное небо. Только что, во сне, он вытворял бог знает что с обитателем соседнего двора, а теперь ради чашки чая собирался перебраться туда. Он колебался.

А всё потому, что Сюй Яньцин всерьёз опасался, как бы не распуститься и не попытаться наброситься на того эфемерного даоса.

— Молодой господин, — осторожно продолжил Му Юй, заметив перемену в лице хозяина, — слышал, что повар в Юньшуйском дворе сейчас как раз осваивает рецепт персиковых пирожных...

Его голос стал тише — он испугался, что молодой господин передумал.

— Переезжаем! Сегодня же! — глаза Сюй Яньцина заблестели, а рот наполнился слюной при одном лишь упоминании персиковых пирожных. Не пойми с чего, но в последнее время он стал настоящим обжорой. Ну да, гурман никогда не сдаётся. Тем более дверь теперь надёжно запечатана — так что нечего бояться!

Дверь и впрямь была наглухо заложена — причём прямо у всех на виду, включая самого соседа.

После нападения в даосском храме, Инь Яньцзюнь переехал в этот небольшой двор. И не прошло и пары дней, как яд в его теле дал о себе знать — и совершенно случайно он провёл страстную ночь с юношей по соседству.

Подробностей той ночи он почти не помнил. Сначала хотел было велеть Вэнь Цзину разузнать, кто это был, но тут услышал шум — дверь по ту сторону разрушали, а проход замуровывали.

Инь Яньцзюнь привык проводить ночные занятия в храме. Проходя мимо того самого дворика, он заметил всю эту суету и тут же выкинул мысль о расследовании из головы. Похоже, вторая сторона тоже не собиралась вступать с ним в контакт.

Весенний ветер прошелестел по двору, и с персикового дерева с тихим шелестом посыпались лепестки. Инь Яньцзюнь сидел со скрещёнными ногами у чайного столика, спина прямая, осанка безупречная — весь он напоминал изящный, холодный, как бы отстранённый зелёный бамбук.

Его чистые, словно стекло, глаза были устремлены к стене. За ней доносился шум голосов и топот шагов — в соседнем дворе царило оживление.

— Молодой господин сегодня переезжает, живо собирайте вещи!

— И про персиковое вино не забудьте, молодой господин давно его ждёт, всё должно быть готово!

Инь Юаньчэн вошёл в маленький дворик с улицы. Услышав звуки с той стороны, он невольно нахмурился:

— Сюй Яньцин становится всё более неженкой, будто барышня из благородного дома.

Он опустился на колени у чайного столика и протянул руку, чтобы налить Инь Яньцзюню чаю.

Инь Яньцзюнь взглянул на персиковое дерево во дворе. В его холодных, прозрачных глазах не дрогнуло ни единой эмоции, но в чертах лица обычное равнодушие стало чуть глубже, чуть резче.

Инь Юаньчэн не посмел продолжать, молча сел рядом и стал слушать гомон, доносившийся из соседнего двора.

Сюй Яньцин переехал в Юньшуйский двор только после ужина. Весной, с заходом солнца, становилось прохладно. Он сошёл с кареты, закутавшись в плащ, в его красивых, словно виноград, глазах блестела тонкая влага.

Му Юй стоял рядом, поддерживая его, лицо полное беспокойства:

— Молодой господин, вы в порядке?

Сюй Яньцин, страдавший от укачивания, без сил оперся на плечо Му Юя и вяло махнул рукой. В эту минуту в его животе всё крутилось, и ему больше всего на свете хотелось просто рухнуть в постель и уснуть.

Му Юй, не на шутку встревоженный, торопливо помог ему добраться до комнаты, подготовил горячую воду, чтобы он мог распарить ноги, а потом уложил засыпающего молодого господина в постель.

Сюй Яньцин, свернувшийся под одеялом, с чуть растрёпанными волосами, даже во сне сохранял на лице выражение слабой, трогательной обиды.

Задняя часть шеи снова начала разогреваться, будто улавливая какое-то особое присутствие. Этот жар был сильнее прежнего, и от него едва заметно исходил тонкий аромат спелых персиков.

Во сне Сюй Яньцин невольно облизнул губы — ему хотелось съесть сочный, наливной персик. Увы, сейчас персиков не было. Он надеялся, что, когда проснётся, ему обязательно принесут мягкие, ароматные персиковые пирожные.

Ночь углублялась. Вэнь Цзин подправил свечи, и свет в комнате стал ярче.

На письменном столе лежали донесения, только что доставленные из дворца. Инь Яньцзюнь сидел за столом, разбирая бумаги, а Инь Юаньчэн не смел его отвлекать — он тихо стоял на коленях рядом, молча растирая тушь.

Документов становилось всё больше. Вэнь Цзин принёс два стаканчика горячего чая. Инь Яньцзюнь отложил алую кисть, взял чашку и сделал глоток.

Через оконную решётку было видно, как ветви и листья за окном едва заметно колыхнутся. Инь Яньцзюнь неожиданно прервал молчание:

— Юаньчэн, ты знаешь, кто хозяин соседнего двора?

Инь Юаньчэн, уже почти дремавший, тут же встрепенулся. Хоть ему и показалось странным, что господин вдруг поинтересовался Сюй Яньцином, он всё же честно ответил:

— Хозяин Юньшуйского двора — законный второй сын маркиза Уаня, зовут Сюй Яньцин. В столице он славится как известный повеса.

Повеса?.. В памяти Инь Яньцзюня всплыл только тонкий, дрожащий голос юноши у самого уха.

Он встал и подошёл к окну, глядя на тёмную, погружённую в покой ночь:

— Сколько ему сейчас лет?

— Прошло три года с момента «танца слонов»², — ответил Юаньчэн. Он хорошо запомнил тот шумный пир, что был не так давно. Сюй Яньцин — повеса что надо. Всего лишь день рождения в год слона, а он устроил праздник, будто императорский бал.

Три года после «танца слонов» — значит, ему всего восемнадцать. А самому Инь Яньцзюню почти тридцать. Он на мгновение замолчал.

Смотря на его силуэт у окна, Инь Юаньчэн внезапно ощутил исходящее от господина чувство одиночества. Будто они стоят не в тишине ночного двора, а посреди людного шумного рынка, где всё вокруг гремит и звучит, а он — по-прежнему один.

¹ Сы (子) — традиционное китайское обозначение времени, примерно соответствует 9:00–11:00 утра.

² Танец слонов — аллюзия на китайский зодиак: «слон» (象) здесь условное обозначение возраста 15 лет (в китайской традиции это время совершеннолетия для юноши), соответственно, герою сейчас 18 лет.